

Питер Фредерик СТРОСОН

ЗНАЧЕНИЕ И ИСТИНА ¹

В течение последней четверти нашего столетия Оксфорд занял, или лучше сказать вновь занял то положение, которое он занимал шестьсот лет тому назад, — положение крупнейшего центра философии в Западном мире. В тот же самый период мой предшественник на этой должности проф. Гилберт Райл был сердцем этого центра. Мы многим обязаны его пронизательности, предприимчивости, его совершенно неавторитарному наставничеству; еще большим мы обязаны его философской плодovitости, яркости и оригинальности.

Для философов характерно то, что над своей собственной деятельностью они размышляют в том же духе, что и над объектами этой деятельности; с философской точки зрения исследуют природу, цели и методы философского исследования. Когда проф. Райл писал в такой метафилософской манере, он иногда производил впечатление весьма строгого философа, роль которого заключается в исправлении небрежных обыденных рассуждений, в прояснении путаных мыслей или в демонстрации правильных образцов для наших интеллектуальных усилий. Проф. Райл выполнял свою долю этой необходимой критической работы. Однако когда мы рассматриваем его философское творчество в целом, то получаем впечатление роскошного изобилия, а не аскетизма, тонкой пронизательности, живой иллюстративности и увлеченности. Каждая исследуемая им тема получала прекрасное освещение благодаря методу, органично соединявшему в себе внимание к деталям, воображение, столкновение противоположных точек зрения и обобщение. Интересовавшие его вопросы охватывают широкую область, в том числе относятся к философии значения и философии сознания. Если бы я мог чему-то отдать предпочтение, то я выбрал бы его анализ *мышления*, о котором он уже много написал и еще напишет. Быть может, это наиболее тонкое и глубокое из всех его философских исследований.

Как у немногих философов, у проф. Райла мысль и стиль ее выражения тесно связаны: образность и ироничность, острая полемичность, взвешенность и точность суждений — все это не просто декоративные украшения его аргументации, но элементы самой формы его мысли. Если бы потребовалось одним словом охарактеризовать его

¹ *Strawson P. F. Meaning and Truth // Philosophy as it is / Honderich T., Burnyeat M. (eds.).* Перевод выполнен Г. И. Рузавиным. Текст представляет собой инаугурационную лекцию Стросона, прочитанную при вступлении в 1968 г. в должность профессора «метафизической философии» Оксфордского университета (колледж Св. Магдалины). — *Прим. ред.*

мышление и стиль изложения, то я уже дважды невольно произнес это слово — *блеск*. Его сочинения внесли блестящий и весомый вклад не только в философию, но и, что не менее важно, в английскую литературу.

Что значит для чего бы то ни было иметь *значение* — тем способом или в том смысле, в котором имеют значение слова, предложения или сигналы? Что значит для отдельного предложения иметь определенное значение или значения? Что значит для отдельной фразы или слова определенное значение или значения? Все эти вопросы очевидным образом связаны между собой. Любое общее истолкование значения (в подходящем смысле) должно согласоваться с истолкованием значений отдельных выражений. Кроме того, мы должны признать две взаимодополняющие истины: во-первых, значение предложения, в общем, некоторым систематическим образом зависит от значений входящих в него слов; во-вторых, конкретное значение некоторого слова определяется его конкретным систематическим вкладом в значения содержащих его предложений.

Я не собираюсь отвечать на эти столь очевидно связанные вопросы. Это не задача для одной лекции и одного человека. Я хотел бы здесь обсудить определенный конфликт, едва заметный в современных подходах к решению этих вопросов. Его можно было бы назвать конфликтом между теоретиками коммуникации-интенции и теоретиками формальной семантики. Согласно мнению первых, невозможно сформулировать адекватное истолкование понятия значения без ссылки на то, что говорящий обладает направленными на слушателя интенциями определенного сложного вида. Конкретные значения слов и предложений, без сомнения, в значительной степени обусловлены правилом или соглашением, однако общую природу таких правил или соглашений в конечном счете можно понять только с помощью понятия коммуникации-интенции. Противоположная точка зрения, по крайней мере в своем негативном аспекте, состоит в том, что данная концепция либо просто извращает подлинное положение вещей, либо ошибочно принимает случайное за существенное. Конечно, можно ожидать определенной регулярности в отношениях между тем, что люди намереваются сообщить, высказывая определенные предложения, и тем, что эти предложения конвенционально означают. Однако система семантических и синтаксических правил, детерминирующих значения предложений, — система, в совершенном владении которой и заключается знание языка, вообще не является системой правил для коммуникации. Правила могут быть использованы для этой цели, но это случайно для их существенного характера. Вполне возможно, что кто-то полностью понимает язык, т. е. обладает совершенной лингвистической компетенцией, не имея ни малейшего представления о его

коммуникативной функции, если, конечно, обсуждаемый язык не включает в себя слов, прямо ссылающихся на эту функцию.

Столкновение по такому центральному для философии вопросу несет в себе нечто гомеровское, в таком столкновении должны участвовать боги и герои. Я могу назвать по крайней мере, некоторых живых полководцев и доброжелательных духов: с одной стороны, скажем, Грайс, Остин и поздний Витгенштейн; с другой стороны — Хомский, Фреге и ранний Витгенштейн.

Первые принадлежат к теоретикам коммуникации-интенции. Их общую позицию наиболее простым и понятным, хотя и не единственным, способом можно выразить так: общая теория значения должна строиться в два шага. Сначала следует сформулировать и разъяснить исходное понятие *коммуникации* (или коммуникации-интенции) в таких терминах, которые не опираются на понятие *лингвистического значения*, а затем показать, что второе понятие может и должно быть разъяснено на основе первого ². Для любого теоретика, следующего этим путем, фундаментальным понятием теории значения является понятие значения, которое говорящий или использующий язык придает чему-то в процессе интенционального произнесения в конкретных обстоятельствах. Произнесение есть нечто произведенное или совершенное говорящим, причем не обязательно с помощью голоса, это может быть жест, передвижение или расположение объектов определенным образом. То, что произносящий подразумевает под этим, конкретизируется в данном случае посредством конкретизации той сложной интенции, с которой он произносит свое высказывание. Анализ такой интенции слишком сложен, чтобы заниматься им здесь, поэтому я ограничусь приблизительным описанием. Одной из интенций говорящего может быть стремление убедить публику в том, что он, говорящий, верит в некоторое суждение, скажем, при этом говорящий может не скрывать своей интенции и сделать так, чтобы публика о ней узнала. Или же у говорящего может быть интенция передать своей публике мысль о том, что он, говорящий, хочет, чтобы слушатели осуществили некоторое действие, скажем, *p*; при этом он может не скрывать своей интенции от слушателей. Если интенция говорящего выполняет еще некоторые другие требования, то в этом случае можно сказать, что говорящий что-то подразумевает под своим высказыванием: в частности, в первом случае он в изъявительном наклонении подразумевает, что *p*; во втором случае в повелительном наклонении

² Это не *единственный* способ, так как сказать, что понятие \emptyset нельзя адекватно разъяснить, не опираясь на понятие ψ , не значит утверждать, что можно дать классический анализ \emptyset на основе ψ . Однако это *простейший* способ, ибо в нашей традиции наиболее естественно мыслить именно в терминах классического метода анализа.

он подразумевает, что слушатели должны осуществить действие *а*. Грайс привел аргументы в обоснование того, что при достаточной внимательности и изощренности можно разработать такое понятие коммуникации—интенции или, как он это называет, понятие значения говорящего, которое выдержит критику и не опирается на понятие лингвистического значения.

Теперь несколько слов о том, каким образом предполагается осуществлять анализ лингвистического значения на основе значения говорящего. Здесь я опять-таки не вдаюсь в детали, ибо они слишком сложны. Однако основная идея сравнительно проста. Мы вполне естественно привыкли думать о лингвистическом значении в терминах семантических и синтаксических правил и соглашений. И когда мы осознаем громадную сложность этих правил и соглашений, их способность, как подчеркивает современная лингвистика, генерировать бесконечное число предложений в данном языке, мы можем почувствовать себя бесконечно далеко от тех простых ситуаций коммуникации, о которых, естественно, думаем, когда пытаемся истолковать понятие значения говорящего, не обращаясь к понятию лингвистического значения. Однако правила и соглашения управляют человеческими действиями и целенаправленной человеческой активностью. Поэтому мы должны спросить себя, какие целенаправленные действия управляются *этими* соглашениями? Правилами для чего являются *эти* правила? И очень простая мысль, лежащая в основе обсуждаемой концепции, состоит в том, что эти правила как раз и являются правилами для коммуникации, соблюдая которые говорящий может достигнуть своей цели, осуществить свою коммуникацию-интенцию. Именно это образует их *существенную* сторону. Иными словами, вовсе не счастливая случайность позволяет использовать правила для этой цели, напротив, глубинную природу этих правил можно понять лишь в том случае, если рассматривать их как правила, служащие для коммуникации.

Эта простая мысль может показаться в различных отношениях слишком простой. Ясно, что в процессе использования языка мы можем сообщать очень сложные вещи, и если мы должны рассматривать язык как, по сути дела, систему правил, способствующих осуществлению наших коммуникаций-интенций, и такой анализ не содержит в себе круга, то не должны ли мы приписать самим себе чрезвычайно сложных коммуникаций-интенций (или, по крайней мере, стремлений) независимо от того, имеются ли в нашем распоряжении лингвистические средства для осуществления этих стремлений? Не абсурд ли это? Мне кажется, что абсурд. Однако сама по себе программа анализа не приводит к нему. Программа лишь утверждает, что понятие соглашений коммуникации мы можем разъяснить на основе понятия доконвенциональной коммуникации как базисного уровня.

Если дано, что мы способны сделать это, то существует не один, а несколько способов использования наших лингвистических способностей. И дело представляется таким образом, что мы можем объяснить понятие конвенций коммуникации на основе понятия доконвенциональной коммуникации.

Мы можем, например, избрать аналитико-генетический вариант. Допустим, говорящий успешно осуществляет доконвенциональную коммуникацию с данной аудиторией, высказывая *x*. Он обладает некоторой сложной интенцией по отношению к аудитории, рассматриваемой как коммуникация-интенция, и осуществляет эту интенцию посредством произнесения *x*. Предположим, что первичная интенция была такой, что, произнося *x*, говорящий *подразумевал*, что *p*, и поскольку он достиг успеха, аудитория именно так его и *поняла*. Если теперь та же самая проблема коммуникации встает еще раз перед тем же говорящим и той же аудиторией, то поскольку им известно, что, произнося *x*, говорящий подразумевает, что *p*, постольку у говорящего есть основания опять произнести *x*, а у аудитории — истолковать это прежним образом. (Основанием является знание о том, что другой обладает тем знанием, которое имеется у первого). Таким образом, легко видеть, как произнесение *x* можно обосновать как обозначающее, что *p*. Поскольку оно действует, оно получает обоснование, а затем оно действует, *поскольку* имеет обоснование. Легко также видеть, как от группы, состоящей из двух сторон, перейти к более широкой группе. Мы можем перейти от доконвенционального значения *p* произнесения *x* к конвенциональному значению *p* произнесения *x*, но теперь уже *в соответствии с конвенцией*.

Такое объяснение конвенционального значения на основе значения говорящего само по себе недостаточно, ибо оно охватывает лишь тот случай, когда произнесение не имеет структуры, т. е. его значение нельзя систематическим образом вывести из значений его частей. Однако для лингвистических типов произнесения как раз характерно обладание структурой. Значение предложения является синтаксической функцией значений его частей и их расположения. Однако не существует принципиальных причин, не позволяющих доконвенциональному произнесению обладать определенной сложностью — той сложностью, которая дает возможность говорящему, однажды достигшему успеха в коммуникации, повторить свой успех, воспроизведя одну часть своего первого произнесения и изменяя его другую часть. Тогда то, что он подразумевает во втором случае, будет отчасти похоже на то, что он подразумевал в первом случае, а отчасти будет отличаться. И если он во второй раз достигнет успеха, то это откроет путь к обоснованию рудиментарной *системы* типичных произнесений, т. е. она станет конвенциональной в рамках некоторой группы.

Система конвенций может быть модифицирована для удовлетворения таких потребностей, которые мы едва ли могли вообразить себе до появления этой системы. А ее модификация и обогащение, в свою очередь, создают возможность появления таких мыслей, которых мы не смогли бы понять без подобного обогащения. На этом пути мы можем представить набросок альтернативного развития. Исходные коммуникации-интенции и успехи в коммуникации дают толчок к возникновению ограниченной конвенциональной системы значений, которая создает возможность своего собственного обогащения и развития, что, в свою очередь, содействует расширению мышления и коммуникации, которые начинают предъявлять новые требования к ресурсам языка, удовлетворяющим эти требования. Во всем этом присутствует, конечно, некий элемент мистики, однако это вообще характерно для интеллектуального и социального творчества человека.

Все сказанное выше представляет собой самый приблизительный набросок некоторых характерных особенностей коммуникативно-интенциональной теории значения и намек на то, каким образом она могла бы ответить на тот очевидный упрек, что некоторые коммуникации-интенции уже предполагают существование языка. В моем изложении опущены некоторые тонкие нюансы, однако, я надеюсь, оно послужит достаточной основой для представления противоположных точек зрения, которые мне хотелось бы осветить.

Перейдем теперь к противоположной концепции, которую до сих пор я характеризовал только в ее негативном аспекте. Конечно, сторонники этой концепции разделяют некоторые фундаментальные положения своих оппонентов. И те, и другие согласны относительно того, что значения предложений языка в значительной мере детерминированы семантическими и синтаксическими правилами или соглашениями этого языка. И те, и другие признают, что члены любой группы или сообщества людей, которые знают некоторый язык и обладают общей лингвистической компетенцией, имеют в своем распоряжении более или менее мощное средство коммуникации и благодаря этому способны влиять на убеждения, предрасположенности и поведение друг друга. И те, и другие согласны, что эти средства последовательно используются совершенно конвенциональным образом, так что люди, желающие общаться посредством речи, так или иначе вынуждены обращаться к конвенциональным значениям произносимых ими предложений. Представители этих концепций начинают расходиться только при рассмотрении отношений между правилами языка, детерминирующими значение, и функцией коммуникации: одни настаивают на том, что общая природа этих правил может быть понята только благодаря ссылке на эту функцию, другие (по-видимому) отрицают это.

Отрицание, естественно, приводит к вопросу: каков же общий характер тех правил, которыми, в некотором смысле, должен овладеть каждый, кто говорит на данном языке и понимает его? Отвергаемый ответ обосновывает их общий характер с помощью социальной функции коммуникации, т.е. передачи убеждений, желаний или инструкций. Если этот ответ не принимается, должен быть предложен другой. Поэтому мы вновь спрашиваем: каков общий характер этих детерминирующих значение правил?

Мне представляется, что существует лишь один ответ, который был основательно разработан и заслуживает серьезного рассмотрения в качестве возможной альтернативы концепции теоретиков коммуникации. Это ответ, опирающийся на понятие условий истинности. Мысль о том, что смысл предложения детерминирован условиями его истинности, можно найти у Фреге и раннего Витгенштейна, и мы вновь обнаруживаем ее у многих последующих авторов. В качестве примера я беру недавнюю статью проф. Дэвидсона. Дэвидсон совершенно справедливо обращает внимание на то, что адекватное понимание означающих правил языка *L* будет показывать, каким образом значения предложений зависят от значений слов в языке *L*. И теория значения для *L*, говорит он, сможет сделать это, если она содержит рекурсивное определение понятия истины в *L*. «Очевидная связь», продолжает он, между таким определением истины и понятием значения такова: «определение задает необходимые и достаточные условия истинности каждого предложения, а *задание условий истинности есть способ задания значения предложения*. Знать семантическое понятие истины для некоторого языка есть то же самое, что знать, что значит для предложения — любого предложения — быть истинным, а *это равносильно, в любом нормальном смысле этого слова, пониманию языка*»³.

В цитированной статье Дэвидсон ставит узкую задачу. Однако эта задача включается в более общую идею, говорящую о том, что синтаксические и семантические правила совместно детерминируют значения всех предложений языка посредством детерминации условий их истинности.

Теперь, если мы хотим обнаружить корень проблемы, выделить решающий вопрос, мне кажется важным хотя бы на первое время оставить в стороне один класс возражений против такой концепции значения. Я говорю об одном классе возражений, однако этот класс допускает разделение на подклассы. Так, можно указать на то, что существуют некоторые виды предложений, например, повелительные, вопросительные, к которым понятие условий истинности кажется неприменимым, поскольку конвенциональное произнесение таких пред-

³ Davidson D. Truth and Meaning // Synthese, 1967, p. 310.

ложений не означает высказывания чего-то истинного или ложного. Можно опять-таки указать на то, что даже те предложения, к которым понятие условий истинности кажется применимым, могут включать в себя выражения, вносящие некоторое изменение в их конвенциональное значение, однако это изменение нельзя объяснить посредством их условий истинности. Сравни, например, предложение «К счастью, Сократ умер» с предложением «К несчастью, Сократ умер». Сравни предложение формы «*p* и *q*» с соответствующим предложением формы «*p*, но *q*». Ясно, что значения членов каждой из этих пар предложений различны, однако далеко не ясно, чем отличаются условия их истинности. И эту проблему порождают не одно или два выражения, а множество выражений.

Ясно, что обе общие теории значения и общая семантическая теория для конкретного языка должны иметь средства преодоления указанных трудностей. Но все-таки их можно считать второстепенными. Теоретики коммуникации сами ⁴ неявно соглашаются с тем, что почти во всех предложениях существует субстанциальное ядро значения, которое может быть эксплицировано либо в терминах условий истинности, либо с помощью некоторого близкого понятия, производного по отношению к понятию условий истинности. Для предложений-предписаний, например, это будет понятие условий согласия, а для предложений-приказаний — понятие условий выполнимости. Следовательно, если мы считаем, что какое-то истолкование может быть дано самому понятию условий истинности — истолкование, которое действительно не зависит от ссылки на коммуникацию-интенцию, то вполне разумно предполагать, что большая часть проблем общей теории значения может быть решена без такой ссылки. По тем же самым причинам мы можем считать, что большая часть конкретной теории значения для конкретного языка *L* может быть сформулирована без какой бы то ни было ссылки на коммуникацию-интенцию. Ее можно построить, систематически устанавливая синтаксические и семантические правила, детерминирующие условия истинности для предложений языка *L*.

Конечно, как уже было отмечено, кое-что все-таки нужно доба-

⁴ Такое признание неявно и не вполне ясно содержится в понятии *локутивного значения* Остина (см. его работу «How to do things with Words», Oxford, 1962); оно несомненно входит в различие, проводимое Грайсом, между тем, что говорящие *актуально высказывают*, в обычном смысле слова «высказывают», и тем, что они подразумевают (см.: Utterer's Meaning, Sentence-Meaning and Word-Meaning // Foundations of Language, 1968); и опять-таки в различии Сёрла между формулируемым *суждением* и *иллокутивным* способом его формулировки (см.: Speech Acts, Cambridge, 1969).

вить и к нашей общей теории, и к нашим конкретным теориям. Так, к конкретной теории нужно добавить истолкование тех трансформаций, которые предложения с условиями истинности преобразуют в предложения с условиями согласия или выполнимости. А общая теория должна будет сказать, что собой представляют такие производные предложения в общем. Однако все это, хотя и значительно увеличивает количество предложений, само по себе немного добавляет и к общей; и к частной теории. Будут необходимы и иные дополнения в связи с упомянутыми мною другими возражениями. Но, воодушевленный своим предполагаемым успехом, теоретик может рассчитывать справиться с некоторыми из этих дополнений, не обращаясь к коммуникации-интенции. В приступе великодушия он может уступить права на небольшой участок *фактической* территории теоретической семантики теоретику коммуникации-интенции, не вытесняя последнего в гораздо менее привлекательную область, называемую теоретической прагматикой.

Надеюсь, теперь ясно, в чем состоит центральный вопрос. Это простой вопрос о том, можно ли само понятие условий истинности объяснить или понять без апелляции к функции коммуникации. Требуется небольшое разъяснение, прежде чем я обращусь к непосредственному анализу этого вопроса. Я свободно пользовался выражением «условия истинности предложений» и говорил об этих условиях как детерминированных семантическими и синтаксическими правилами языка, которому принадлежат предложения. В таком контексте мы, естественно, понимаем слово «предложение» как «типичное предложение». (Говоря так, я имею в виду, что существует только одно предложение русского ⁵ языка «Я чувствую трепет» или только одно предложение «Вчера ей исполнилось шестнадцать лет», которые могут быть произнесены в бесконечном числе случаев различными людьми и в разных обстоятельствах). Для многих типовых предложений, в частности для упомянутых выше, вопрос о том, являются ли они *как предложения* истинными или ложными, не может быть поставлен, ибо это не инвариантные типовые предложения, которые естественно называть истинными или ложными, а нечто изменчивое, что люди произносят в разнообразных конкретных случаях для выражения суждений. Но если понятие истинностной *оценки* в общем неприменимо к типовым предложениям, то как может быть применимо к ним понятие *условий истинности*? Мы же предполагаем, что условия истинности — это и есть те условия, при которых предложение истинно!

Однако это затруднение очень легко разрешается. Нужно лишь указать, что для многих типовых предложений — быть может, для

⁵ В оригинале, естественно, «английского» языка — *Прим. перев.*

большинства, произносимых в обыденных разговорах, утверждение об условиях истинности может и должно быть систематически релятивизировано относительно контекстуальных условий произнесения. Тогда общее утверждение об условиях истинности такого предложения будет не утверждением об условиях, при которых данное предложение истинно, а общим утверждением о типе условий, при которых различные конкретные произнесения его дадут различные конкретные истины. Существуют также и другие, более или менее эквивалентные, хотя и менее естественные способы разрешения этого затруднения.

Теперь, наконец, мы обращаемся к центральному вопросу. Для теоретиков формальной семантики, как я их называю, основная тяжесть как общей теории значения, так и частных семантических теорий ложится на понятие условий истинности и, следовательно, на само понятие истины. Оставим его в покое. Однако мы не можем считать, что у нас имеется адекватное общее понимание понятия значения, если у нас нет адекватного общего понимания понятия истины.

Здесь имеется один ход мысли, который способен полностью разрушить все надежды на достижение адекватного понимания, и если я не ошибаюсь, он вызывает определенные симпатии у некоторых теоретиков формальной семантики. Это попытка ответить на требование общей экспликации понятия истины, возвращая нас назад, к концепции истины в данном языке L в стиле Тарского — концепции, которая достигает ясности и точности благодаря рекурсивному определению правил, детерминирующих условия истинности для предложений L . Однако это означает полный отказ от рассмотрения общей философской проблемы. Соглашаясь с общим утверждением о том, что значения предложений некоторого языка полностью или в значительной степени детерминированы правилами, задающими условия истинности, мы затем ставим общий вопрос о том, что собой представляют условия истинности или условиями чего они являются? И мы говорим, что понятие истины для данного языка определяется посредством правил, детерминирующих условия истинности предложений этого языка.

Очевидно, мы не можем этим удовлетвориться. Поэтому мы вновь обращаемся к нашему общему вопросу об истине. И сразу же чувствуем некоторое смущение, ибо мы привыкли думать, что об истине вообще можно сказать очень мало. Но посмотрим, что можно сделать с этим малым. Есть один способ сказать об истине нечто бесспорное и достаточно общее. Тот, кто высказывает некоторое утверждение, высказывает истину тогда и только тогда, когда вещи, о которых идет речь, таковы, как о них говорится, или несколько иначе: тот, кто высказывает некоторое предположение, выражает истинное предположение тогда и только тогда, когда вещи таковы, как говорится о

них в предположении. Теперь эти простые и безопасные замечания соединим с общепринятыми идеями относительно значения и условий истинности. Тогда мы сразу же получаем: значение предложения детерминируется теми правилами, которые устанавливают, какими должны быть вещи с точки зрения того, кто произносит предложение; какие положения вещей предполагает тот, кто высказывает предположение. Затем, вспомнив о том, что эти правила релятивизированы относительно контекстуальных условий, мы можем перефразировать это следующим образом: значение предложения детерминировано правилами, которые устанавливают, *какое* утверждение делает тот, кто высказывает это предложение в данных условиях, или *какое* предположение делает тот, кто в данных условиях высказывает это предположение, и так далее.

Таким образом, благодаря понятию истины, мы возвращаемся к понятию *содержания* таких речевых актов, как утверждение, предположение и тому подобное. И здесь теоретик коммуникации-интенции получает свой шанс. Безнадежно, говорит он, пытаться определить понятие содержания таких речевых актов, не обратив никакого внимания на понятия самих этих речевых актов. Разумно считать, что суждение или утверждение занимают центральное положение во всех речевых актах, в которых высказывается в том или ином модусе нечто истинное или ложное. (Стремясь к определенности, мы ценим рассуждения главным образом потому, что ценим информацию.) И мы не можем, настаивает теоретик, объяснить понятие суждения или утверждения, не прибегая к помощи интенции, направленной на слушателя. Фундаментальным образом суждения или утверждения, на основе которого должны быть поняты все другие варианты, является произнесение предложения с определенной интенцией — интенцией, которая требуется анализом значения говорящего и которая отчасти может быть описана как стремление передать слушателю, что у говорящего имеется определенное убеждение. В результате у слушателя возникает или не возникает то же самое убеждение. Правила, детерминирующие конвенциональное значение предложения, совместно с контекстуальными условиями его произнесения устанавливают, *каким является* данное убеждение в этом первичном и фундаментальном случае. Устанавливая, *каким является* данное убеждение, эти правила определяют, *какое именно* сделано утверждение. Задать первое — значит задать второе. Но это как раз то, что нам нужно. Когда мы исходили из общепринятого положения о том, что правила, задающие условия истинности, тем самым задают значение, мы пришли к выводу, что эти правила определяют, *какое утверждение* делает тот, кто произносит предложение. Вот так общепринятое положение, до сих пор рассматривавшееся как альтернатива коммуникативной теории значе-

ния, прямо приводит нас к такой теории значения.

Это заключение может показаться несколько поспешным. Поэтому посмотрим, нет ли какого-либо пути избежать его. Общее условие для этого очевидно. Мы должны иметь возможность объяснить понятие условий истинности, не опираясь на коммуникативные речевые акты. Отказаться вообще от объяснения и остановиться на понятии условий истинности мы просто не можем, если нас интересует философский анализ понятия значения: в этом случае мы остались бы с понятиями истины и значения, бесполезными друг для друга. Не принесет пользы, хотя и может показаться заманчивым, отступление от понятия условий истинности к менее четкому понятию корреляции, т. е. к утверждению о том, что правила, детерминирующие значения предложений, связывают эти предложения, произносимые в определенных контекстуальных условиях, с некоторыми возможными положениями дел. Одна из причин неудачи кроется в том, что общее понятие корреляции слишком неопределенно. Существует много видов поведения (включая вербальное поведение), которые посредством правил связаны с возможными положениями дел, однако эта связь не является тем отношением, которое нас здесь интересует.

Другая причина заключается в следующем. Рассмотрим предложение «Я устал». Правила, детерминирующие его значение, действительно связывают это предложение, произносимое конкретным человеком в определенный момент времени, с возможным положением дел: говорящий в данный момент устал. Но это не есть особенность данного предложения или класса предложений, имеющих то же самое значение. Рассмотрим теперь предложение «Я не устал». Правила, детерминирующие его значение, также связывают это предложение, произносимое конкретным человеком в определенный момент времени, с возможным положением дел: говорящий устал. Однако эта связь является иной. Эти два вида корреляции таковы, что произносящий первое предложение обычно будет понят как что-то утверждающий, а произносящий второе предложение будет понят как нечто отрицающий. Или, говоря иначе, если обсуждаемое положение дел имеет место, то произносящий первое предложение высказывает истинное суждение, а произносящий второе — ложное. Но указание на эти различия сразу же устраняет идею о том, что можно обойтись лишь одним общим понятием корреляции. Эта идея не заслуживает дальнейшей разработки. Легко заметить не только то, что предложения, различные и даже противоположные по своему значению, могут быть тем или иным способом связаны с одним и тем же положением дел, но также и то, что одно и то же точное предложение тем или иным способом может быть связано с множеством различных и даже порой несовместимых положений дел. Предложение «Я устал» может быть связано с

таким состоянием говорящего, когда он находится на грани полного истощения, и с таким его состоянием, когда он свеж, как маргаритка. Предложение «Мне перевалило за сорок» коррелируется с любым возможным положением дел, когда бы ни рассматривался возраст говорящего; предложение «Лебеди белы» коррелируется с любым возможным положением дел, когда рассматривается цвет лебедей.

Таким образом, неточное понятие корреляции бесполезно для наших целей. Необходимо найти какой-то способ конкретизации корреляции в каждом отдельном случае, а именно корреляции предложения с возможным положением дел, наличие которого было бы необходимым и достаточным условием для высказывания *истины* при произнесении этого предложения при тех или иных контекстуальных условиях. Так мы вновь возвращаемся к понятию условий истинности и к вопросу о том, можем ли мы объяснить это понятие без обязательной ссылки на коммуникативные речевые акты, т. е. на коммуникацию-интенцию.

Для теоретика, который все еще считает, что понятие коммуникации-интенции не играет существенной роли в анализе понятия значения, я вижу здесь лишь один открытый, или кажущийся открытым, путь. Если он не хочет попасться на крючок своего оппонента, он может пропустить некоторые страницы его книги. Он видит, что не может остановиться на идее истины, что эта идея прямо ведет к вопросу о том, *что высказано*, каково содержание произнесенного. А это, в свою очередь, приводит к вопросу о том, что было *сделано* в процессе произнесения. Однако не может ли теоретик идти по этому пути, не заходя в то же время так далеко, как его оппонент? Нельзя ли *отбросить* ссылку на коммуникацию-интенцию, *сохраняя* ссылку, скажем, на убеждения? И не будет ли, между прочим, такой способ действий ближе к реальности в тех случаях, по крайней мере, когда наши мысли мы произносим для себя, без коммуникативной интенции?

Указанный маневр заслуживает более полного описания. Он осуществляется следующим образом. Первое: вместе с теоретиком коммуникации соглашаются с тем, что понятие условий истинности следует разъяснить с помощью другого понятия, например понятия суждения или высказывания (считая бесспорным, что некто высказывает истинное суждение или утверждение в том случае, когда вещи таковы, как о них говорится). Второе: опять-таки вместе с теоретиком коммуникации соглашаются с тем, что для разъяснения понятия утверждения требуется понятие убеждения (признавая, что высказать утверждение — значит выразить некоторое убеждение; высказать истинное утверждение — значит выразить корректное убеждение, а убеждение является корректным в том случае, если вещи, к которым относится убеждение, таковы, как считает носитель убеждения). Однако,

третье: расходятся с теоретиком коммуникации по вопросу о природе этой связи между утверждением и убеждением; отрицают, что анализ понятия утверждения включает в себя обращение к интенции, например, к стремлению внушить аудитории, что высказывающий утверждение придерживается соответствующего убеждения; отрицают, что анализ понятия утверждения включает в себя *какую-либо* ссылку на интенцию, обращенную к слушателям; напротив, утверждают, что в качестве фундаментального понятия здесь вполне можно принять понятие простого произнесения или выражения убеждения. Отсюда заключают, что правила, детерминирующие значения предложений языка, являются теми правилами, которые определяют, *какое* убеждение конвенционально выражается тем человеком, который в данных контекстуальных условиях произносит то или иное предложение. Установить, каким является убеждение, как и прежде, означает установить, какое высказано утверждение. Таким образом, сохраняются все достоинства противоположной теории и одновременно устраняется ссылка на коммуникацию.

Конечно, этот теоретик мог бы сказать гораздо больше, впрочем как и его оппонент. Предложения, которые могут быть использованы для выражения убеждений, отнюдь не всегда используются для этого. Однако это касается как первого, так и второго, поэтому мы можем не останавливаться на этом.

Будет ли осуществлена описанная выше процедура? Я думаю, что не будет. Но чтобы увидеть это, мы должны разоблачить одну иллюзию. Понятие выражения убеждения может казаться нам вполне ясным, поэтому и понятие выражения убеждения в соответствии с некоторыми соглашениями может казаться столь же ясным. Однако как раз в той мере, в которой нам нужно понятие выражения убеждения, оно может заимствовать всю свою силу и ясность именно у той ситуации коммуникации, от ссылки на которую и предполагалось освободить анализ значения. Мы можем попытаться рассуждать следующим образом. Часто мы выражаем убеждения с интенцией, направленной на слушателей; мы стремимся внушить аудитории, что придерживаемся того убеждения, которое выражаем, и, может быть, хотим передать это убеждение аудитории. Но тогда совершенно очевидно: то, что можно сделать с интенцией, направленной на слушателей, можно сделать и без такой интенции! Это означает, что направленная на слушателей интенция является чем-то дополнительным по отношению к выражению убеждения и не может считаться существенной для выражения убеждения или понятия о нем.

Какую же смесь истины и лжи, иллюзий и тривиальностей мы здесь получили! Допустим, мы рассматриваем анализ значения говорящего, который в общих чертах был описан в начале статьи. Гово-

рящий производит нечто — высказывание x — со сложной направленной на слушателей интенцией, включающей, скажем, желание внушить аудитории, что говорящий имеет некоторое убеждение. В этом анализе мы не можем выделить элемент, соответствующий выражению его убеждения без такой интенции, хотя мы могли бы вообразить такую ситуацию и дать ее описание: он действует *так, как если бы* у него была интенция, хотя на самом деле ее нет. Однако такое описание зависит от описания того случая, в котором у говорящего есть соответствующая интенция.

Мне кажется, здесь, как и во многих других случаях, мы попадаем под власть псевдоарифметических понятий. Если дано понятие Выражения Убеждения, Направленного на Аудиторию /ВУНА/, мы действительно можем думать о Выражении Убеждения /ВУ/, лишенного Направленности на Аудиторию /НА/, и находить соответствующие примеры. Однако отсюда не вытекает, что понятие ВУНА представляет собой некоторую логическую смесь двух более простых понятий ВУ и НА и, следовательно, что ВУ концептуально независимо от ВУНА.

Конечно, эти замечания не доказывают, что не существует такой вещи, как независимое понятие выражения убеждения, способное служить целям теоретика, не желающего апеллировать к коммуникации. Они направлены лишь против упрощенного обоснования существования такого понятия.

Это достаточно ясно. Если имеется такое существенно независимое понятие выражения убеждения, способное служить целям анализа понятия значения, то мы все-таки не можем остановиться на фразе «выражение убеждения». Мы должны быть способны предложить некоторое *истолкование* этого понятия, что-то сказать о нем. Иногда имеет смысл говорить о действиях некоторого человека или о его поведении как выражающих какое-то убеждение, когда, например, мы рассматриваем эти действия как направленные на достижение определенной цели, которую можно приписать ему в той мере, в какой можно приписать ему данное убеждение. Однако само по себе это рассуждение не слишком далеко продвигает нас. С одной стороны, приняв данную программу, мы отказались от ссылки на цель коммуникации как существенную часть нашего истолкования. С другой стороны, тот вид поведения, о котором мы говорим, должен быть формализован таким образом, чтобы его можно было рассматривать как подчиненный правилам — правилам, которые управляют поведением точно так же, как они управляют выражением убеждений. Нельзя просто сказать: человек находит *какое-то* (неопределенное) удовлетворение или *какой-то* (неопределенный) смысл в осуществлении определенных формализованных (в том числе и вербальных) действий

при определенных условиях, причем эти действия систематическим образом связаны с имеющимися у него убеждениями. Допустим, человек имеет привычку что-то говорить всегда, когда видит, что восходит солнце, и говорить что-то, отчасти похожее, а отчасти отличное, когда видит, что солнце заходит. В таком случае, данное действие было бы регулярным образом связано с определенными убеждениями — что солнце восходит или что солнце садится. Однако такое описание вообще не дает никаких оснований говорить, что когда человек совершает данное действие, он *выражает убеждение*, что солнце восходит или садится, в соответствии с некоторым правилом. Этого описания недостаточно для того, чтобы знать, что говорится. Мы могли бы лишь сказать, что таким образом человек исполняет ритуал *приветствия* восхода или заката солнца. Какие свои потребности он при этом удовлетворяет, нам не известно.

Допустим, однако, для целей аргументации, что нам удалось разработать искомую концепцию выражения убеждений, которая не предполагает ничего такого, от чего мы отказались в данной программе, и что мы используем эту концепцию для анализа понятия лингвистического значения. В этом случае мы приходим к интересному следствию. Для языка окажется совершенно случайным то обстоятельство, что правила или соглашения, детерминирующие значения предложений, носят общественный или социальный характер. Это было бы простым естественным фактом, который не затрагивает сущности языка и не может быть использован для анализа или модификации понятия языка. В этом понятии не было бы ничего, что бы исключало мысль о том, что каждый индивид способен иметь свой собственный язык, который только он понимает. Но тогда можно спросить: почему каждый индивид должен соблюдать свои собственные правила или вообще какие-либо правила? Почему бы ему не выражать свои убеждения так, как ему заблагорассудится в тот или иной момент? Существует по крайней мере один ответ, которого теоретик не может дать на этот вопрос, если только этого не требуют интересы его собственной программы. Он не может сказать: человек может пожелать *записать* свои убеждения с тем, чтобы сослаться на эти записи позднее, а затем он мог бы счесть удобным иметь правила для интерпретации своих собственных записей. Теоретик отказывается давать этот ответ, поскольку в нем присутствует, хотя и в ослабленной форме, понятие коммуникации-интенции: вчерашний человек общается с самим собой сегодняшним.

Существует один способ устранения сомнений, быстро возникающих на этом пути. Он должен дать естественное объяснение того факта, что язык носит общественный характер, что лингвистические правила являются более или менее общепризнанными. Такое объяс-

нение должно избежать любого предположения о том, что связь общих правил с коммуникацией является чем-то большим, чем простая случайность. Как можно было бы дать такое объяснение? Мы могли бы сказать, что согласны относительно того, что обладание языком расширяет возможности мышления, что существуют убеждения, которые нельзя было бы выразить без помощи языка, мысли, которых не могло бы возникнуть, если бы не существовало системы выражений для их вербализации. И для людей является фактом, что они ни смогли бы овладеть такой системой, если бы в детском возрасте их не обучали старшие члены человеческого сообщества. Не касаясь источников происхождения языка, мы можем предположить, что взрослые члены сообщества хотят передать этот расширяющий мышление инструмент своим детям, и очевидно, вся процедура обучения упрощается, если все изучают один и тот же, общий язык. Разумно предположить, что вначале учащиеся не вполне понимают, зачем им нужен язык, что для них важно скорее научиться говорить правильно, а не высказывать истину, т. е. речь идет о правильной вербальной реакции на ситуацию таким образом, чтобы избежать наказания, а не о *выражении их убеждений*. Однако позднее они начинают понимать, что овладели системой, позволяющей им осуществлять и эту (все еще необъясненную) деятельность, и только после этого можно считать, что они вполне овладели языком.

Конечно, следует допустить, что в процессе обучения они способны овладеть также и *вторым* способом передачи своих убеждений. Однако это не более чем дополнительное и вовсе не обязательное приобретение, совершенно случайное с точки зрения правил значения языка. Если, обращаясь к другому члену вашего языкового сообщества, вы что-то произносите с целью выразить убеждение, то он может согласиться с тем, что у вас есть какое-то убеждение и вы хотите передать это убеждение ему. Этот факт способен породить множество социальных следствий и открыть дорогу всем видам лингвистической коммуникации, не опирающимся на выражение убеждений. Вот поэтому-то, как уже было отмечено, мы и можем в конечном итоге принять ссылку на коммуникацию-интенцию в периферийных частях нашей семантической теории. Однако это оправдано только в том случае, когда мы далеко отходим от центрального ядра значения, детерминированного правилами, задающими условия истинности. Что же касается самого центрального ядра, то для него функция коммуникации остается вторичной, производной и концептуально несущественной.

Надеюсь, ясно, что такой способ действий является слишком произвольным, чтобы удовлетворить требованиям хорошей теории.

Если игра ведется таким образом, то нужно разрешить теоретику коммуникации выиграть ее.

Следует ли, однако, вести игру именно так? В конце концов, мне кажется, что да. На самом деле совершенно безвредно считать, что знать значение некоторого предложения — значит знать, при каких условиях говорящий высказывает нечто истинное. Однако, если мы стремимся к философскому прояснению понятия значения, то это лишь исходный пункт, а не решение нашей задачи. Он делает нашу проблему слишком узкой и ограниченной, заставляя нас исследовать содержание небольшой фразы «... высказывает нечто истинное». Конечно, имеется множество способов высказать нечто истинное, выразить истинное суждение, не выражая, в то же время убежденности в нем, не утверждая этого суждения, например, когда обсуждаемые слова образуют какие-либо подчиненные или соподчиненные предложения, когда их просто цитируют и т. д. Однако, когда мы пытаемся объяснить в общем, что значит высказать нечто истинное, выразить истинное суждение, ссылка на убеждение или утверждение (следовательно, опять-таки убеждение) оказывается неизбежной. Таким образом, нет вреда в том, чтобы сказать: человек высказывает нечто истинное, если вещи таковы, как он говорит о них. Однако слово «говорит» уже несет в себе смысл «утверждает». Можно попытаться избежать употребления слова «говорит», равнозначного слову «утверждает», и выразиться так: человек выдвигает тем или иным способом истинное суждение, если вещи таковы, что каждый, кто ему верит, считает, что вещи именно таковы. И здесь ссылка на убеждение выступает в явном виде.

Прямая или косвенная ссылка на выражение убеждения неустраима из анализа высказывания чего-то истинного (или ложного). И, как я пытался показать, нереалистично или, по крайней мере, чрезвычайно неразумно пытаться освободить понятие лингвистического выражения убеждений от существенной связи с понятием коммуникации-интенции.

Ранее я указывал на то, что привычка некоторых философов рассматривать слово «истинно» как предикат типичных предложений была лишь небольшим искажением, которое достаточно легко можно исправить. Однако, вовсе не простой педантизм заставляет нас настаивать на исправлении этого искажения. Если мы этого не сделаем, оно способно завести нас на ошибочный путь. Когда мы исследуем природу значения, оно способно заставить нас забыть о том, для чего нужны предложения. Мы связываем значение с истиной, а истину — с предложениями. Предложения же принадлежат языку. Но как теоретики мы ничего не знаем о человеческом языке до тех пор, пока не поймем человеческой речи.